

**СОВРЕМЕННЫЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ
КАК ИСТОЧНИК «МЕНТАЛЬНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ»
(рефлексии инокультурного читателя)**

Иоанна Коженевска-Берчинска (Варшава – Ольштын)

Сам замысел высказываться на указанную тему может показаться дерзким, в оправдание я могу только сказать, что в своем 10-летнем исследовании картины мира россиян, я исхожу из доброжелательной и непреходящей заинтересованности судьбой моего российского современника, прибегая для этого к поискам разнообразных источников информации (см.: Коженевска-Берчинска И., 1996, *пассим*).

«Менталитет», иначе «ментальность» есть понятие неострое, но с точки зрения антропоцентрического исследования – существеннейшее. Согласно мнению Гумилева – ее составные – это «особенности психического склада и мировоззрения людей, входящих в ту или иную этническую целостность. Предстоит в виде иерархии идей, воззрений, представлений о мире, оценок, вкусов, культурных канонов, способов выражения мысли» (см.: Гумилев Н., 1993, с. 503).

Выбор поля наблюдений объясняется фактом, что любая газетно-журналистская публицистика обладает имманентным свойством сиюминутно реагировать на происходящее в социуме, особенно если имеем дело с бурным периодом безвременья. Источником информации является для меня умеренная и т. н. демократическая пресса 1989–1997 гг. (см.: Список сокращений).

Любое мировосприятие обусловлено множеством факторов, главным образом природными, географическими и традиционалистскими, так неотразимо представленными в концепции Гачева (Гачев Т. Д., 1991, 151–159; Гачев Т. Д., 1997, *пассим*).

В изученном мною обильном материале внимание концентрируется на исторических, в том числе – советских обстоятельствах формирования российского способа мышления. Ниже я представляю попытку выявить как меняется концептуальный мир человека очередной раз переживающего стихию землетрясения. Надо добавить, что мною принимается

внимание не столько то ЧТО говорится, сколько КТО, а также ПОЧЕМУ утверждает именно так.

Любая резкая смена режима стимулирует отрицательно-низвергающее осмысление уходящего мироустройства, пробуждая одновременно надежды на реальность очередного светлого будущего как вечной грезы имманентно обездоленного гоминида. Новые идеи завораживают не только своей свежестью, но и обещаниями, которые впитывает всем своим существом человек, которые, естественно, влияют на его *воззрения, оценки, вкусы* и т. д. Один из парадоксов человеческой природы сводится к тому, что в ней уживаются полярные свойства. Сказанное относится и к русскому менталитету с резко противоположными характеристиками, например: послушность, долготерпение и стихийность, склонность к бунтовству и смирение, агрессивность, вольница и равнодушие, волкобрезвизм, сакрализация власти и органическое к ней недоверие по принципу: *не верить тем, кто на самом верху, и ни в коем случае не поддаваться на уговоры сделаться счастливыми* – МН 11.11.92 (см.: Свинцов В., 1993).

Прежде чем перейти к более или менее систематическому анализу, я хочу обратить внимание на те сведения, которые как бы витают над публицистическим дискурсом в целом, извещая читателю об исчезновении стереотипа советского человека как носителя какой-то магической, непреходящей добродетели, как мессии и спасителя заблуждающегося несчастного человечества. Вместо того появляется человек более или менее разумный, который пытается, хотя с разным результатом, осмыслить суть своего бездорожья и найти свою нишу.

Из гуши обнадеживающе противоречивых мнений и суждений, я попыталась выделить несколько критериев классификации материала.

1. Очень интересна парадигма метастазности, преемственности, некоторых свойств российского мировосприятия, а также предлагаемая профессионалами историческая мотивированность такого положения вещей.
2. Не менее информативно пространство ментальных сдвигов, которые можно, например, изучать в двух аспектах:
 - а) Аксиологические «открытия», а со временем – подлинные открытия, связанные с чтением одиозной, запрещенной в советское время литературы.
 - б) Сильное влечение к новым иллюзиям, миражам, мифам (в том числе – религиозным), к разнообразным парапсихологическим явлениям, что в совокупности составляет российский New Age.

3. Познавательными потенциями насыщено также содержание анекдотов; бонмотов, изречений – этого ментального заповедника своеобразности российского менталитета, требующего, однако, совершенно отдельного осмысления.

Итак, имманентным свойством человеческой сущности является стремление понять себя и окружающий мир, тем более в ситуации, когда привыкшему к неоспоримости *единственно правильного*, явится мир пестреющий идеями, противоречиями, «многоистинностью». Воскресает традиционный в этом социальном пространстве вопрос: *кто виноват?*, а в поисках ответов человек обращается к советским авгиевым конюшням.

Ад 1) Вышесказанное проявляет себя, особо в первые перестроечные годы, в «тотальном оплевывании» этого периода своей собственной жизни, согласно знакомой парадигме: «долой!» – «распни его!»

Тем не менее, параллельно бесконечным филиппикам в адрес советского режима и советского миропорядка, наблюдаются многочисленные попытки осмыслить, понять истоки катастрофы. Анализируют, например, речи Бухарина и других вождей-теоретиков, выступления «инженеров человеческих душ», в том числе – судьбоносное учение Суркова, изложенное на съезде писателей в 1934 году, и ставшее вдохновением будущего Морального кодекса строителя коммунизма: *«Некоторые, как ни странно, обхлдят молчанием четвертую сторону гуманизма, выраженную в суровом и прекрасном понятии «ненависть».* Метастазы подобной аксиологии прочно поразили общество, о чем скорбит в наши дни, например Д. Гранин: *«Господи, как запутаны наши души! Когда мы наконец научимся прощать, быть милосердными, когда мы выберемся из тупика ненависти.»* – ЛГ 20.3.96.

Обильный семантический ряд со словом *люмпен* (и производные) в центре, выводится, как можно полагать, необязательно с целью унижить, обидеть. Это грустная констатация о наличии в обществе *деклассированных элементов с психологией потребительства, разрушительства, «агрессивной послушности», человеконенавистничества и черной зависти.* – ЛГ 25.12.91. Тем не менее, такое словоупотребление – это также свидетельство насаждаемой обществу уверенности, что оно *не такое как надо*, что изобилие люмпенов с рабской психологией *«играет на руку врагам перестройки».*

Повесть миру об органической порочности и гигантской греховности *люмпена, совка, изгоя общества* и т. п. авторы обвинений часто

пытаются осмыслить суть феномена пагубной преемственности. Примеры: *вредная привычка видеть не человека, а представителя сословия, видеть или «своего» или «чужого»* – НГ 9.4.93; *В каждом из нас есть свой съезд, который надо отправить в отставку.* – НГ 1.4.93. И как аккорд: *Мы сами не ведаем, сколько отложилось в наших душах зла (...) сколько недружелюбия. Гибельные эти чувства мешают войти с открытым сердцем в семью европейских народов.* – ЛГ 30.6.96.

От этой, мифической ведь, дружелюбной семьи отстраняют истосковавшийся народ (очередной миф!), новые враги народа, на этот раз *демократии в развитии.* Таким образом стан врагов становится все многолюднее, к семантическому ряду люмпены-паразиты-изгой общества присовокупляются *маргиналы, красно-коричневые, новые русские, русофобы, русофилы, лица кавказской национальности, враги демократии, и т. д., и т. п.*

О наличии в сознании вечно живого вируса вражескости говорит такая, например, обобщающая констатация: *Наши радикальные демократы, как и большевики, соблазняют души людей образом врага. Кто только не побывал за последние пять лет в этом образе!* – НГ 7.4.93.

Суммируя краткие размышления о метастазах некоторых свойств менталитета целесообразно постигнуть смысл двух рациональных высказываний. Итак, Б.Чичибабин заявляет: *Я не могу оставаться безучастным, когда все подвергается уничтожению и осмеянию (...) Новые ниспровергатели готовы сбросить с корабля современности не только отжившее, но и все талантливое, живое, что было до них.* ЛГ 28.10.92; И Мишарин: *Мы были согласны отказаться, отринуть всю бесчеловечность, глупость и унижительность части вчерашнего, но никто из нас не собирается отказываться от всего вчерашнего(...)* Вообще нельзя отказаться от своей жизни. – Воскр. 1992, № 2.

Ад 2а) В менталитете современного россиянина просыпается постепенно тоска по духовности, в которой он ищет спасение от новой жестокости и беспощадности. Пораженный метастазами «классовой морали», не привыкший к смелым и самостоятельным оценкам – он все-таки открывает для себя богатейший и таинственный мир общечеловеческих, вечных ценностей, что и заставляет его ными глазами созерцать мир. Об этом говорят радостные «перестроечные» констатации на уровне азбучных истин, например: *Человек имеет право быть свободной и мыслящей личностью* – Ог 1989, № 22; *Надо чтить потемки чужой души* – МН

9.1.94; *Стыд – это совесть воплощена в обычаях и нравах* – Г. Померанц, ЛГ 19.4.95.

Изучая уровень и качество цитатного материала в публицистике, мы находим здесь отражение тоски по таинственному, прекрасному, облагораживающему. В интересующем нас аспекте информативны фамилии, обещающие идеалы и идеи, по которым, можно полагать, истосковался российский человек. Это, например, Булгаков и Соловьев, представляющие религиозный космос, это вселенское мышление Бердяева, это Достоевский с ожившей в новых условиях идее бесовства, это и Чаадаев, выявляющий проникновенно специфику русской ментальности, и еще Федотов – его основы цельного, жизнеутверждающего мировоззрения.

О новых качествах ментальности говорит еще заинтересованность, а также способ комментирования мысли зарубежных корифеев (см.: Berlin I., 1995, *пассим*). Здесь И. Берлин, говорящий о пагубности наплевательства на людей униформов, и бессмертные, сызнова усваиваемые современниками кантовские заветы и антропоцентрическая рефлексия Фрейда, Юнга, Фромма, Ортеги-и-Гассета. Где-то с 1990 года публицистика начинает пестреть широко комментированными цитатами из Библии – этого тезауруса глубокомыслия и основы для душевного катарсиса.

Со временем, сугубо не дружелюбным для большинства россиян, наступает постепенное низвержение духовного начала, а вместо того разворачивается уровень профанности, порожденной новым витком разочарованности-неуверенности в завтрашнем дне, а отсюда – страха. На этой почве зарождается прагматическое мышление, место традиционных ругательств в адрес рынка и *мордovorотов в кооперативных палатках* занимает идея, которую можно определить: взять в руки себя и свои дела, не надеясь на помощь сверху. Некоторые внемлют этим советам, перевоплощаясь в «новых русских» с новым, еще неизученным менталитетом. Есть и такие, которым чужд образ жизни, определяемый верой в деньги как единственную нетленную ценность. Образуется, как это ни странно, прослойка ученых-бизнесменов, которые вынуждены расстаться со своими «московскими кухнями»; денежный мешок как символ новой веры и новой заветной цели, естественно, убивает в человеке духовность.

Ад 26) Бесконечные обиды со стороны новых вершителей судеб не только настораживают, но и пугают. Поэтому многие обыватели удаляются в мифологизированный, в том числе – религиозный мир, исполненный иллюзий, миражей, призраков, экстрасенсов и вообще – парапсихологического учения. Трудно согласиться с публицистическими безогово-

рочными обвинениями «темного люда», ибо такие ментальные тенденции – это не *бич общества*, и не *результат изначальной непредсказуемости совка*. Подобное влечение есть извечная склонность человеческой натуры, на что в макрокосмическом плане указывает Кампбелл в своей знаменитой монографии. (Campbell, 1994, *пассим*), а в близком мне микрокосмическом аспекте – авторы, изучающие польский менталитет (например: Marody M., 1997, с. 76–80). Небезызвестно, что общественная жизнь опирается в значительной мере на иррациональные по натуре мифы, легенды и т. п.. Они не обходимы человеку как кислород, который несет с собою струю жизни, а сила их воздействия возрастает пропорционально неопределенности и неуютности жизнеустройства.

В свете вышесказанного неудивительно, что в первые перестроечные годы советский человек судорожно держится за идею п. н. *социализм*, веруя в реальность его гуманистических ипостасей типа: *социализм с человеческим лицом, ленинский социализм, очищенный социализм и т. п.* (см., подробно: Korzeniewska-Berczyńska J., 1993, с. 37–43). С течением времени и событий, он вынужден расстаться с этим очередным социополитическим мифом, и найти свое реальное место под солнцем, что – ох как трудно...

Миф о советском человеке как о носителе коммунистической сакральности и коммунистической конфессии исчезает, как правило, из самосознания где-то после 1991 года (более подробно см.: Коженевска-Берчинска И., 1997, с. 37–43). Однако на смену появляются новые мифы, которые обрамлены не иссякающей все-таки верой в справедливость и в *новое светлое (капиталистическое? демократическое?) будущее*.

Согласно принятым намерениям, я хочу сказать несколько резюмирующих слов о новых элементах в современном российском мировидении, которые можно выявить, изучая публицистические тексты.

1. Избавившись от зашоренности и убожеской однобокости *единственно правильного учения*, он постигает мир, пестреющий идеями, сомнениями, многозначностью.
2. Избавившись от имперского сознания, от уверенности в своей исключительности, он стремится усвоить истину о том, что... нет единой истины, и что люди разные, причем такими разными должны жить вместе, и, по возможности – дружно, уважая любую «инось»...
3. Обогатив значительно свой духовный мир (я считаю злостным мифом утверждение, что в советское время не существовал феномен духовности), под давлением злополучных для него событий, человек ищет

спасение в прагматическом подходе к жизни, теряя таким образом возможность более полного постижения сакральности.

4. В человеческой душе просыпается тоска по религиозным идеям, причём я не говорю об показушно-отвратительной религиозности владык, но о замеченном усиленном стремлении понять Благую Весть, научиться находить утешение и катарсис в диалоге с Высшим Существом.
5. Распознав неповторимый вкус свободы, «российский демократический человек» не очень умеет нею распоряжаться, трактовать ее не только как благо, но и как огромную личностную ответственность. Тем не менее свобода стала имманентным элементом его мировосприятия.
6. На смену казенному оптимизму эпохи застоя приходит «самодетельный пессимизм», которым пропитан публицистический логос. Он ярко выражен, между прочим, в метафорике бездны-ямы-пропасти-бездорожья – даже апокалипсиса.
7. Необходимо сказать о еще одной особенности психического склада россиян, которая выявляется в бескритическом восхвалении т. н. западной цивилизации с позиции бедного родственника, который не заслужил счастья приобщения к этому, якобы эталонному, социальному пространству.

Данные рассуждения имеют, естественно, как бы вступительный характер, на заданную тему можно написать не один трактат.

Совершенно понятно, что сказанное о менталитете относится, главным образом, к представителям среднего поколения. Старшие, в основном, дышат привычным воздухом или задыхаются от непонятого и трудного. Молодое же поколение не обременяет себя вообще багажом уму непостижимого, а часто – неизвестного прошлого, живя своей жизнью, по своим внутренним законам или вне их.

Тут может быть только один общий знаменатель, а именно уверенность, что независимо от наших желаний в мире не существует однородность, единомыслие, однообразность. Как мы расоряжаемся этим знанием – это уже зависит от нас, от нашей внутренней силы, и от нашей разумности.

Принятые сокращения:

Воскр.	– «Воскресенье»
ЛГ	– «Литературная газета»
МН	– «Московские новости»
НГ	– «Независимая газета»
Ог	– «Огонек»

Литература:

1. BERLIN, I.: Myśl rosyjska i kontrowersja słowianofilska, „Zdanie“ 1995, nr 2, s. 22–26.
2. ГАЧЕВ, Т. Д.: Психология национальных образных систем и польский образ мира. «Slavia Orientalis», t. XL, 1991, с. 151–159, и его же: Национальный аспект русской литературы в XX веке. (Рукопись реферата, зачитанного на конференции «Современная русская литература в постсоветском пространстве», Вильнюс, 14–17 X 1997, в печати.
3. ГУМИЛЕВ, Н.: Этносфера. История людей и история природы. Москва 1993.
4. Подробно на тему такого вида трансформации сознания см.: KORZENIEWSKA-BERCZYŃSKA, J.: Od «Wielkiego Października» do Wielkiej Wandej. Transformacje świadomości w socium i magia słów. (в:) «Literatura i słowo wczoraj i dziś. Piśmiennictwo rosyjskie a państwo totalitarne». Materiały konferencji naukowej, Warszawa 1993, с. 37–43.
5. КОЖЕНЕВСКА-БЕРЧИНСКА, И.: Новации в языковой картине мира росийского человека. На основе современных публицистических текстов. WSP Olsztyn 1996.
6. Более подробно на эту тему, притом в аспекте бахтинской философии, см.: КОЖЕНЕВСКА-БЕРЧИНСКА, И.: «Советский человек» и человек реальный. Антропологические размышления о языковой картине мира россиян. (в:) «Язык. Общество. Культура», Вильнюс 1997, с. 37–43.
7. Из обильной литературы по теме, я отобрала один из самых новых текстов: MARODY, M.: Najintensywniejsza forma istnienia Polaków jest gawędą z mitem u nogi. «Polityka» 1997, № 42, с. 76–80.
8. СВИНЦОВ, В.: Волкобрезвизм и его потенциальная основа. «Независимая газета» 7.12.1993. Названный термин есть авторский неологизм Свинцова, контаминация изречений Г. Гоббса «человек человеку волк» и А. Ремизова: «человек человеку бревно».
9. CAMPBELL, J.: Potęga mitu. Kraków 1994, пассим.